

Как понять **ЧТО ОН ТЕБЕ ВРЁТ**

ЮЛИЙ ЛЮЦИФЕР

Юлий Люцифер

Как понять когда он тебе врет

«Литнет»

2026

Люцифер Ю.

Как понять когда он тебе врет / Ю. Люцифер — «Литнет», 2026

Моя работа — видеть то, что другие скрывают за фальшивыми улыбками и дорогими костюмами. Я — эксперт по лжи, и в мире больших денег мой навык стоит миллионы. Марк нанял меня, чтобы я «считала» его главного конкурента. Даниил Северский — опасный, властный и чертовски притягательный. О нем говорят, что у него нет сердца, только ледяной расчет. Но при первой же встрече я понимаю: Северский знает о лжи гораздо больше меня. Он начинает со мной опасную игру на грани фола, где ставка — не только контракт, но и мой самоконтроль. Я должна вывести его на чистую воду, но с каждым его прикосновением всё труднее понять: где заканчивается его обман и начинается моя одержимость. В книге вас ждут: Героиня с необычным талантом; Очень харизматичный и опасный «альфа»; Противостояние характеров и интеллектуальные игры; Высокий градус эротического напряжения (18+).

© Люцифер Ю., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Женщина, которая слышит ложь	5
Глава 2. Мужчина, которого нельзя прочесть	11
Глава 3. Первый раунд без победителя	18
Глава 4. Опасное задание	25
Глава 5. Лжец, который улыбается глазами	31
Глава 6. Когда игра становится личной	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Глава 1. Женщина, которая слышит ложь

Я всегда замечаю ложь раньше, чем человек успевает закончить фразу.

Не потому что у меня сверхспособность. Не потому что я читаю мысли. И уж точно не потому, что люди вокруг глупы. Наоборот. Самые опасные лжецы — умные. Красивые. Спокойные. Они знают, как держать лицо, как улыбаться ровно настолько, чтобы тебе стало уютно, как смотреть в глаза и не моргать на неудобных словах. Они умеют прятать страх, жадность, похоть, предательство и даже панику за безупречной подачей. Но тело все равно предает их. Всегда.

Глаза — самый опытный лжец в человеческом теле.

Если хочешь узнать правду, смотри не в них.

Смотри на кончики пальцев. На жилку на шее. На то, как человек втягивает воздух перед чужим именем. На крошечную паузу между вопросом и ответом. На то, в какой момент он касается часов, запонок, бокала, кольца. Ложь редко живет в словах. Она живет в ритме.

И я умею этот ритм слышать.

— Ева?

Я медленно подняла глаза от папки с документами. За стеклянной стеной переговорной стоял помощник Вадима Сергеевича и нервно улыбался так, будто уже заранее знал: ему не понравится то, что я скажу.

— Да?

— Они готовы.

— Прекрасно.

Я закрыла папку, взяла ручку и встала. Серое платье сидело на мне идеально — строго, дорого, без намека на желание понравиться. Волосы я собрала в гладкий хвост, серьги были маленькими, почти незаметными, макияж — ровно таким, чтобы мужчинам было трудно понять, красива я или просто опасна. Обычно их это сбивает.

Переговорная находилась на двадцать первом этаже башни в Сити. За панорамными окнами тускло блестел мартовский город, внизу текли машины, а внутри пахло кофе, деревом, дорогим парфюмом и мужским напряжением. За столом уже сидели трое. Вадим Сергеевич — мой сегодняшний клиент, хищный седой мужчина с улыбкой человека, который привык покупать не только вещи, но и исходы. Его финансовый директор — сухой, молчаливый и смертельно усталый. И третий — человек, ради которого я здесь.

Алексей Горин.

Потенциальный партнер, поставщик, инвестор, спаситель сделки — в зависимости от того, кого в комнате спросить.

Для меня — просто мужчина, который начал врать еще до того, как сел.

Я подошла к столу спокойно. Без суеты. Горин поднялся, улыбнулся и протянул руку.

— Ева Романова? Наслышан.

Я пожала ладонь.

Теплая. Слишком сухая. Пальцы собраны сильнее, чем нужно. Плечи расслаблены, но правая стопа уже развернута к двери.

Бежать он пока не собирался. Но тело уже знало: разговор пойдет не туда.

— Надеюсь, только хорошее, — ответила я.

— Разумеется.

Ложь.

Не в словах. В том, как жилка на шее дернулась на “разумеется”. В том, как он отвел руку на долю секунды быстрее, чем позволяли приличия. В том, что мое имя он произнес без

подготовки, хотя до этого ни разу меня не видел. Значит, изучал заранее. Значит, уже заходил в разговор с обороной.

Я села справа от Вадима Сергеевича и открыла блокнот.

— Продолжим? — спросил клиент.

Все закивали.

И вот так всегда начинается ложь у людей с большими деньгами. Не с дрожащих голосов и не с потных ладоней. С обычной, почти скучной фразы вроде “продолжим”. После нее кто-то обычно теряет миллионы, репутацию или сон.

Горин начал говорить о поставках, сроках, валютных рисках и логистике. Голос у него был красивый — низкий, уверенный, с тем особым мужским тембром, который отлично работает на переговорах. Таких мужчин слушают охотнее. Им верят быстрее. Особенно когда они не суетятся и не пытаются продавить собеседника открытой агрессией.

Он говорил четко. Почти без воды. Цифры называл быстро и без запинок. Подготовился отлично. Если бы я не знала, куда смотреть, возможно, и сама назвала бы его безупречным.

Но я смотрела.

На то, как он большим пальцем едва заметно натирает грань запонки каждый раз, когда речь заходит о третьем квартале.

На то, как он слегка поджимает губы на словах “полная прозрачность расходов”.

На то, как меняется его дыхание, когда финансовый директор задает вопросы о запасных маршрутах поставок.

И на то, как он один-единственный раз делает микропаузу перед фразой:

— Мы готовы гарантировать стабильность при любом сценарии рынка.

Вот здесь все и закончилось.

Снаружи он был безупречен.

Внутри — уже разваливался на куски.

Потому что человек, который говорит правду о стабильности, не трогает запонку именно на слове “гарантировать”. Не поджимает нижнюю губу перед “любым сценарием”. И точно не отводит на полсекунды взгляд на папку с документами, если у него нет в ней слабого места.

Я ничего не сказала сразу. Просто записала одно слово в блокнот.

Лжет.

Вадим Сергеевич заметил. Конечно. Именно ради этого он меня и посадил рядом, как дорогую, тихую, хорошо одетую мину замедленного действия.

Переговоры шли еще двадцать минут. Горин становился все увереннее. Это часто бывает. Чем дольше лжец держится без провала, тем сильнее начинает верить в собственную конструкцию. А потом всего один правильный вопрос, и реальность рушится не потому, что ты умнее. Потому что он расслабился.

— Алексей, — произнесла я наконец, закрывая блокнот. — Уточните, пожалуйста, по северному маршруту.

Все в комнате повернули головы ко мне.

Горин улыбнулся. Вежливо. Чуть снисходительно.

— Что именно вас интересует?

— Почему в официальной таблице он проходит как резервный, хотя по вашей же внутренней логике это основной канал для кризисного квартала?

Вот теперь он замолчал.

Ненадолго. На секунду максимум.

Но для меня этого было достаточно.

Потому что правдивый человек в таком вопросе сначала думает о содержании. Лжец — о том, сколько я знаю.

— Не совсем понимаю, о какой внутренней логике вы говорите, — сказал он.

Ложь.

Жилка на шее дернулась сильнее.

Я взяла его папку, которую он сам до этого придвинул ближе к центру стола, и раскрыла на нужной странице.

— Вот об этой. На двадцать третьем листе вы называете северный маршрут резервным. А на тридцать первом его пропускная способность указана в полтора раза выше, чем у основного. Люди не держат резерв дорожке основного канала, если только не знают заранее, что основной уязвим.

Финансовый директор резко поднял голову.

Вадим Сергеевич улыбнулся. Медленно.

Горин не улыбнулся уже вовсе.

— Это просто техническая разница в расчетах, — ответил он.

Ложь.

— Нет, — сказала я спокойно. — Это не техническая разница. Это скрытый риск. И вы о нем знаете.

Он впервые посмотрел на меня не как на красивое приложение к переговорам, а как на проблему.

Я люблю этот момент.

Не потому, что жестока. Хотя, возможно, и поэтому тоже. А потому, что в нем люди наконец перестают играть в недостижимость. На секунду становятся настоящими. Злыми. Испуганными. Жадными. Живыми.

— Вы делаете слишком смелые выводы, Ева, — произнес Горин, и вот теперь его голос стал ниже.

Опаснее.

Я слегка наклонила голову.

— Нет. Слишком точные.

Он сжал пальцы на столе так, что побелели костяшки.

Все.

Готов.

— Давайте без шоу, — сказал он уже Вадиму Сергеевичу. — Если у вас есть конкретные претензии, озвучьте их прямо.

— У меня? — мягко переспросил тот. — Алексей, дорогой мой, у меня пока только один вопрос. Что именно вы не включили в рискованный пакет?

Горин молчал.

Я смотрела на его пальцы.

На шейную жилку.

На угол рта.

И уже знала ответ раньше, чем он открыл рот.

— Хорошо, — выдохнул он наконец. — Один порт в Балтике может встать в течение трех недель. У нас есть информация, но официального подтверждения пока нет. Я не хотел срывать переговоры слухами.

Вадим Сергеевич коротко улыбнулся.

— А вот это уже похоже на честность.

Нет, подумала я. Это не честность. Это капитуляция.

Честность и капитуляция — две очень разные вещи. Но для мира больших денег иногда и этого достаточно.

Переговоры после этого пошли совсем иначе. Уже без театра. Уже на других условиях. Горин сдулся, стал суше, злее, меньше смотрел в мою сторону. Правильно. Люди не любят тех, кто видит их без маски в первый же час знакомства.

Когда все закончилось, Вадим Сергеевич проводил меня в свой кабинет. Огромный. Темный. С панелями из дерева, картинами в тяжелых рамах и видом на Москву, который должен был внушать трепет. Меня такие виды давно перестали впечатлять. Слишком часто за ними прячут мелких, трусливых людей с большими счетами.

— Ты хороша, — сказал он, наливая себе воду.

— Я знаю.

Он усмехнулся.

— Люблю женщин без ложной скромности.

— А я не люблю мужчин, которые называют профессионализм “хороша”.

— Ладно. Блестящая работа.

— Уже лучше.

Он сел в кресло и несколько секунд просто смотрел на меня, как смотрят люди, которые уже приняли решение и теперь выбирают, с какой стороны к нему подойти.

— У меня для тебя новое предложение.

— Очередной лжец?

— Хуже.

Я подняла бровь.

— Интригует.

— Конкурент.

— Это не хуже. Это скучнее.

— Не этот.

Он открыл ящик стола, достал тонкую папку и подвинул ко мне.

На обложке было только имя.

Даниил Северский.

Я почему-то не открыла папку сразу.

Имя уже работало само по себе.

Холодно. Резко. Как металлический край.

— Я должна сделать что? — спросила я.

— Посмотреть на него. Считать. Найти слабое место. Понять, где он врет и что именно прячет.

— И все?

— Для начала — да.

Я все-таки раскрыла папку.

Фотография.

Черно-белый портрет из какого-то журнала или делового досье. Мужчина лет тридцати пяти. Темные волосы. Резкое лицо. Спокойный, почти ленивый взгляд человека, который не привык оправдываться, даже если мир сам хочет перед ним извиниться. Красивый. Слишком. Но не той прилизанной красотой, что бывает у глянцевого мужчин. В нем было что-то опасное. Сухое. Как будто на фото запечатлели не человека, а очень дорогую форму угрозы.

И вот тут у меня впервые за день сбился внутренний ритм.

Не сильно. На долю секунды.

Но я заметила.

Ненавижу, когда тело реагирует раньше, чем разум.

— Что о нем известно? — спросила я, не отрывая глаз от фото.

— Что у него нет сердца, только расчет. Что он умеет создавать реальность, в которую остальные начинают верить раньше, чем замечают, как их туда втянули. Что рядом с ним люди либо зарабатывают состояние, либо остаются без всего. И что за последние три месяца он дважды сорвал мне сделки, не оставив после себя ни одного формального следа.

Я перелистнула страницу.

Досье было хорошее. Биография, контракты, структура компаний, публичные конфликты, слухи, фото с мероприятий. Но чем больше я читала, тем яснее чувствовала странную вещь.

Тут слишком мало человеческого.

Как будто кто-то уже много лет вырезал из всех открытых описаний все, что делает мужчину уязвимым.

— Он осторожный, — сказала я.

— Очень.

— И ты хочешь, чтобы я вскрыла человека, которого даже твои безопасники не смогли прижать бумагами?

— Да.

Я подняла глаза.

— Почему именно я?

Вадим Сергеевич усмехнулся.

— Потому что его можно поймать не документами. Мужчины вроде Северского ошибаются не в цифрах. Они ошибаются в людях. А ты умеешь находить момент, когда человек перестает играть роль и становится собой.

Я снова посмотрела на фотографию.

Даниил Северский.

Человек, про которого мне уже хотелось сказать “опасный”, хотя я еще даже не слышала его голос.

— И что, если он не врет? — спросила я.

Вадим Сергеевич рассмеялся.

— Все врут, Ева.

Я медленно закрыла папку.

— Нет.

— Что “нет”?

— Не все. Некоторые люди делают хуже.

— Это как?

Я посмотрела на темную обложку под своими пальцами.

И сама удивилась тому, как быстро внутри сформировался ответ.

— Некоторые не просто обманывают. Они создают реальность, в которую заставляют верить остальных.

Вадим Сергеевич улыбнулся.

— Тогда тем интереснее.

Нет, подумала я.

Не интереснее.

Опаснее.

Но уже было поздно делать вид, что меня это не зацепило.

Потому что, глядя на фотографию Даниила Северского, я впервые за долгое время почувствовала не только профессиональный азарт.

Предчувствие.

Плохое. Острые, как стекло.

Как будто в тот момент, когда я взяла эту папку, моя жизнь уже слегка сдвинулась со своей оси.

— Хорошо, — сказала я. — Я возьмусь.

— Прекрасно.

— Но если он действительно так хорош, как ты думаешь, тебе может не понравиться то, что я найду.

Вадим Сергеевич подался вперед.

— Главное — найди.

Я встала, взяла папку и направилась к двери.

Уже у выхода он сказал:

— Будь осторожна.

Я обернулась.

— С чего такая забота?

Он улыбнулся слишком тонко.

— У мужчин вроде Северского есть одна неприятная особенность.

— Какая?

— Они редко врут про то, что хотят.

Я ничего не ответила.

Просто вышла в коридор, прижимая папку к боку чуть сильнее, чем следовало.

Вечером, уже дома, я открыла досье снова. Разложила бумаги на столе, включила лампу, сделала себе крепкий чай и попыталась работать так, как всегда работаю с новым объектом. Без эмоций. Без личного. Только факты, паттерны, слабые места.

Хватило меня минут на десять.

Потому что на одиннадцатой я снова поймала себя на том, что смотрю не на структуру его бизнеса, а на фото.

На взгляд.

Слишком спокойный.

Слишком знающий.

Слишком мужской.

И почему-то впервые за долгое время мне стало не профессионально интересно, где этот человек врет.

Мне стало интересно, как звучит его голос, когда он произносит чужое имя так, чтобы у женщины потом дрожали пальцы.

Я тихо выругалась и захлопнула папку.

Плохой знак.

Очень плохой.

Потому что обычно я вхожу в игру холодной.

А сейчас еще даже не началась первая встреча.

А мне уже кажется, что Даниил Северский — единственный мужчина, рядом с которым я рискую однажды захотеть, чтобы он соврал мне красиво.

Глава 2. Мужчина, которого нельзя прочитать

Я не люблю готовиться к людям слишком долго.

Чем дольше смотришь в досье, тем выше шанс влюбиться не в человека, а в собственную версию его. А потом он заходит в комнату, говорит первое слово, двигает рукой не в ту секунду, делает паузу не там — и вся красивая схема летит к черту. Людей нужно считать живьем. В движении. В воздухе. В том, как они входят, как занимают пространство, как позволяют себе молчать.

Но с Даниилом Северским все с самого начала пошло не так.

Потому что я открывала его папку вечером, закрывала ночью, снова открывала утром и ловила себя на том, что думаю о нем уже не только профессионально. Не как о задаче. Как о предчувствии.

Ненавижу такие вещи.

Они почти всегда заканчиваются плохо.

Встреча была назначена на шесть вечера в клубе на Патриарших — одном из тех мест, где деньги не кричат, а шепчут настолько уверенно, что всем вокруг и без того ясно, кто именно в комнате может испортить тебе жизнь одним звонком. Марк выбрал площадку сам. Сказал, что там Северский бывает регулярно и что формат “случайного” знакомства на нейтральной территории даст мне больше, чем официальный ужин или переговорная.

— Он будет не один, — сказал Марк по телефону за час до встречи. — Пара юристов, какой-то человек из его финансового блока и, возможно, женщина.

— Возможно?

— У него всегда кто-то “возможно”, — ответил он с неприятной усмешкой. — Привыкай. Мне не понравился этот тон.

Не потому что я ревнивая идиотка, готовая заранее злиться на женщину, о которой еще ничего не знаю. Потому что мужчины вроде Марка слишком любят продавать тебе не только задачу, но и нужную эмоцию к объекту. Это дешевый, но рабочий прием: если в тебя вовремя вложить раздражение, дальше ты сама начнешь делать половину работы за их интерес.

— Не учи меня входить в комнату, — сказала я холодно.

Он рассмеялся.

— Вот за это я тебя и люблю, Ева.

— Не надо использовать это слово без необходимости.

— Какое именно?

— Люблю.

На секунду он замолчал.

— Хорошо. Тогда скажем так: именно за это я тебе и плачу.

— Уже лучше.

Я отключилась первой.

Клуб встретил меня теплым полумраком, стеклом, темным деревом и тем особым запахом дорогого алкоголя и чужого самоконтроля, который бывает только в местах, где люди приходят не отдыхать, а красиво проверять друг друга на прочность. На мне было черное платье без избыточной откровенности, но с таким кроем, который не просил внимания, а просто допускал его. Волосы я оставила распущенными — иногда это полезнее любой брони. Мужчины считают, что если женщина выглядит чуть мягче, значит, и в голове у нее меньше лезвий. Ошибаются почти всегда.

Я вошла в зал спокойно, как будто уже была здесь своей. Хостес назвала мое имя без вопроса, провела к столику и оставила меню. Все было организовано идеально. Даже слишком.

Значит, Марк не просто “случайно” сводил нас в одном месте. Он выстроил вечер как шахматную доску. Прекрасно.

Я заказала воду и села так, чтобы видеть вход и половину зала в отражении зеркальной панели за баром. Северского пока не было. Или я его не заметила.

Прошло семь минут.

На восьмой дверь открылась.

И я сразу поняла: это он.

Не потому что узнала лицо по фотографии. Хуже. Потому что воздух в зале едва заметно изменился.

Некоторые мужчины входят в пространство так, будто проверяют, кто на них посмотрит. Северский — нет. Он вошел так, будто уже заранее знал, что пространство под него подстроится.

Темное пальто, серый костюм, открытый ворот рубашки без галстука, спокойная, почти лениво-ровная походка человека, которому не нужно спешить, чтобы все равно прийти первым. На фото он был красив. Вживую — опаснее. Потому что фотографии не передают температуру. Не передают того, как мужчина может занимать комнату не громкостью, а тишиной.

С ним действительно были трое. Двое мужчин и женщина. Но я увидела только его.

И это уже было плохим знаком.

Он не посмотрел в мою сторону сразу. Снял пальто, передал его гардеробщику, коротко сказал что-то своему спутнику и только потом поднял взгляд.

На меня.

Вот так.

Без поисков.

Как будто знал заранее, где я сижу.

По спине у меня медленно прошел холод.

Я не отвела глаза.

Никогда не отвожу первой.

И в эту секунду поняла сразу две вещи.

Первая: Даниил Северский действительно красив настолько, что у менее собранной женщины могла бы сбиться не только логика, но и пульс.

Вторая: прочитать его с первого взгляда будет почти невозможно.

Потому что лицо у него не врет вообще.

Оно ничего не дает.

Ни лишней самоуверенности. Ни раздражения. Ни мужского интереса, который обычно вспышивает, когда взгляд задерживается на женщине чуть дольше нормы. Он посмотрел так, будто просто отметил факт: да, ты здесь.

И тут же двинулся дальше.

Господи.

Ненавижу.

Мужчины обычно либо сканируют тебя жадно, либо делают вид, что не смотрят. Третьих почти не бывает. А этот, кажется, вообще не нуждался ни в одной из форм привычной мужской демонстрации.

Я наблюдала, как он подходит к своему столику. Как здоровается за руку с мужчиной лет пятидесяти из соседней зоны. Как коротко кивает официанту, даже не глядя в меню. Как садится и сразу занимает центр не позой, а отсутствием ненужных движений. Он почти не прикасался к лицу, не трогал часы, не играл с зажигалкой, не поправлял манжеты. Идеальный самоконтроль.

Такие люди существуют.

Но редко.

И почти никогда не бывают невиновными.
Через несколько минут мне принесли записку.
Да. Бумажную.
В клубе, где все общаются через телефоны, взгляды и чужих помощников.
Я развернула лист.
«Если вы смотрите на меня еще двадцать секунд, Ева, я решу, что вам нужен не анализ, а повод подойти первой».
У меня внутри все замерло.
На долю секунды.
Потом я медленно подняла глаза.
Он смотрел прямо на меня.
И вот теперь — впервые — в его взгляде было что-то еще.
Не улыбка. Не заигрывание. Почти интерес, замешанный на точности.
Сволочь.
Он не просто заметил наблюдение. Он выдержал его достаточно долго, чтобы вернуть мне ход с перевесом.
Я перевернула записку и написала на обороте:
«Если бы мне нужен был повод, вы бы уже это поняли».
Сложила лист, отдала официанту и только потом позволила себе медленно выдохнуть.
Пuls действительно стал быстрее.
Непозволительно.
Это плохо.
Через минуту записка вернулась.
«Уже понял. Поэтому и интересно».
Я усмехнулась.
Вот и все.
Игра началась еще до знакомства.
И что хуже — мне это уже нравилось.
Я встала сама.
Не потому что он вызвал. Потому что если я сяду глубже в кресло и начну наслаждаться этим на расстоянии, проиграю еще до первой реплики.
К его столику я подошла спокойно. Он поднялся. Не полностью — ровно настолько, чтобы соблюсти вежливость и оставить в ней оттенок небрежной мужской силы.
— Ева Романова, — сказал он.
Не спросил.
Констатировал.
— Даниил Северский.
— Это я знаю.
Уголок его губ дрогнул.
— И что еще вы знаете?
— Что вы не любите, когда вас читают до того, как сами дали разрешение на спектакль.
Мужчина справа от него сделал вид, что очень занят телефоном. Женщина напротив чуть качнула бокал в пальцах, наблюдая с тем живым, хищным интересом, который бывает у людей, почуявших рискованную сцену.
А Северский смотрел только на меня.
— Ошибка, — сказал он. — Я не люблю, когда меня читают плохо.
Господи.
Вот это уже было ударом.

Потому что реплика шла не в банальную защиту, а в точность. Значит, он либо очень быстро соображает, либо привык именно к таким играм.

— Тогда вам повезло, — ответила я. — Я редко ошибаюсь.

— Самоуверенность — удобная профессия.

— А ложь — удобный инструмент влияния.

— Это вы мне как эксперт говорите?

— Это я вам как женщина говорю.

На секунду в его глазах мелькнуло что-то, чего там не было до этого.

Тепло? Нет.

Интерес. Живой. Настоящий.

Вот теперь он уже не просто отмечал меня как фигуру в комнате. Теперь я стала для него задачей.

— Присядете? — спросил он.

Я посмотрела на свободный стул.

Потом на женщину напротив.

Темные волосы, идеальная осанка, тонкая цепочка на шее, взгляд человека, который давно научился сидеть рядом с опасными мужчинами и не путать близость с правом. Не любовница. Скорее коллега. Или человек, которого он уважает настолько, чтобы держать рядом в деловой среде.

Хорошо.

Значит, не буду тратить внимание туда, где пока нет смысла.

Я села.

— Вы здесь по делу? — спросил Северский.

— А вы надеялись, что по глупости?

— Я не имею привычки недооценивать красивых женщин, которые долго на меня смотрят.

— А я не имею привычки недооценивать мужчин, которые отправляют записки вместо первого шага.

— Разве это был не первый шаг?

— Нет. Это была проверка.

— И как результат?

Я взяла бокал воды, не отрывая от него глаз.

— Вы скучнее, чем пытаетесь выглядеть.

Женщина напротив тихо усмехнулась в бокал. Один из мужчин рядом кашлянул, пряча смехок.

А Северский...

Он ничего не сделал.

Ни микропаузы.

Ни смены дыхания.

Ни касания к лицу.

Ни сбоя в ритме.

Ничего.

Вот тут мне впервые стало по-настоящему интересно.

Потому что обычного человека уже можно было бы читать по реакции на укол. Этот — не дал даже миллиметра.

— Тогда зачем остались за столом? — спросил он.

— Из вежливости.

— Ложь.

Я замерла.

Почти незаметно. Но он это заметил.

Сволочь.

— Вы уверены? — спросила я.

— Да.

— Почему?

Он чуть наклонил голову.

— Потому что, если бы вам было скучно, вы бы уже ушли. А так вы просто ищете, где именно я совру первым.

Сердце ударило сильнее.

Вот и все.

Он не просто умеет играть. Он умеет видеть правила игры.

— И где же? — спросила я.

— Пока не решил, хочу ли вас разочаровывать.

Я усмехнулась.

— Какое великодушие.

— Это не великодушие. Любопытство.

— Ко мне?

— К женщине, которую Марк притащил так неаккуратно, будто сам не понимает, что у любого инструмента есть шанс однажды повернуться в чужой руке.

Вот теперь внутри у меня действительно что-то обожгло.

Он знал.

Не “подозревал”. Не “догадывался”. Знал, кто я и зачем здесь.

Я поставила бокал на стол медленно.

— Тогда зачем вообще делаете вид, что вам интересно знакомство?

— Потому что мне интересно не знакомство.

— А что?

Он посмотрел прямо мне в глаза.

И впервые за весь вечер в его лице появилось нечто опаснее вежливой ровности.

— Вы.

Вот так.

Без улыбки.

Без флирта в привычном мужском формате.

Просто слишком прямо.

У меня под кожей будто кто-то провел раскаленной нитью.

Это плохо.

Очень.

Потому что мужчина, который умеет говорить подобные вещи без нарочитой сексуальности, опаснее любого банального альфы с пошлой самоуверенностью.

Он не продает тебе желание.

Он просто кладет его на стол как факт.

— Знаете, что в вас раздражает больше всего? — спросила я тихо.

— Что именно?

— Вы уже говорите так, будто уверены, что я не встану и не уйду.

— А вы встанете?

Я посмотрела на его пальцы.

На шейную жилку.

На линию рта.

На глаза.

На то, как он дышит после слова “уйдете”.

И впервые за много лет не увидела там ни одной понятной мне схемы.
Не потому что он пустой.

Наоборот.

Потому что он прятал себя слишком глубоко.

И это действовало на меня хуже любого открытого интереса.

— Нет, — сказала я честно. — Пока нет.

Уголок его губ дрогнул. Совсем чуть-чуть.

— Вот теперь это больше похоже на правду.

Я встала.

Резко. Пока еще могла сделать это без внутреннего провала.

— Благодарю за вечер, Даниил.

Он тоже поднялся. Теперь полностью.

И, Господи, какой же он был высокий.

Как невыносимо уместный в своей дорогой рубашке, спокойной мужской силе и том особом способе смотреть, от которого женщине хочется или убежать, или сделать шаг ближе — и оба решения одинаково плохи.

— Вы уже уходите? — спросил он.

— Да.

— Почему?

Я взяла сумочку со спинки стула.

— Потому что на сегодня мне достаточно.

— Чего именно?

Я посмотрела ему в лицо.

— Что вы не просто обманываете. Вы действительно создаете реальность, в которую заставляете остальных верить. И я пока не решила, хочу ли входить в нее добровольно.

Он не отвел взгляда.

— Решите.

Это не прозвучало как угроза.

Хуже.

Как уверенность.

Я развернулась и пошла к выходу, чувствуя спиной его взгляд. Не липкий. Не жадный. Сосредоточенный. Будто вечер только начался, хотя я уже уходила.

В машине я сидела молча, пока город за стеклом расплывался в огнях. Телефон в сумке завибрировал почти сразу.

Марк.

— Ну? — спросил он без приветствия.

— Ну.

— Не тяни. Ты его считала?

Я смотрела в темное окно.

И впервые за всю карьеру не могла дать прямой ответ после первой встречи.

— Нет, — сказала я.

— Что значит “нет”?

— Это значит, что он почти не дает материала. Слишком собран. Слишком чисто работает телом. Слишком хорошо знает, когда на него смотрят.

— То есть все-таки неидеален.

— Нет. Это значит, что он понимает правила игры.

На том конце стало тихо.

— И что ты думаешь?

Вот тут я закрыла глаза.

Потому что ответ мне не нравился.

Очень.

— Думаю, — произнесла я медленно, — что рядом с ним ошибиться будет гораздо легче, чем я предполагала.

— Ты про себя сейчас?

— Я всегда про себя, когда речь идет о чужой лжи.

— Ева...

— Не начинай.

— Ты справишься?

Я открыла глаза и посмотрела на свое отражение в стекле. Спокойное лицо. Холодный взгляд. И слишком живые губы, которые все еще помнили, как опасно прозвучало его “мне интересны вы”.

— Да, — соврала я.

Потому что впервые за очень долгое время вообще не была в этом уверена.

Когда я вернулась домой, было уже поздно. Я сбросила туфли, сняла серьги, распустила волосы и села за стол, чтобы сделать привычные заметки после контакта. Обычно такие записи у меня выходят сухими: ритм, жесты, зоны риска, потенциальные триггеры, уровень агрессии, слабые точки, достоверность образа. На Северского я смотрела десять минут, прежде чем написать первую строчку.

Потом вторую.

А затем долго сидела, понимая, что впервые за годы моя профессиональная карта выглядит не как анализ.

Как предупреждение.

Даниил Северский опасен не потому, что врет лучше других.

А потому, что рядом с ним хочется, чтобы он соврал именно тебе.

Глава 3. Первый раунд без победителя

Утро после встречи с Северским оказалось хуже самой встречи.

Не потому, что он сделал что-то откровенное. Не потому, что коснулся, зажал, загнал в угол или позволил себе что-то, что можно было бы красиво ненавидеть. Хуже. Он просто вошел в комнату, посмотрел на меня так, будто уже видел под кожей все мои профессиональные инструменты, и не дал ни одного простого места, за которое можно было бы уцепиться.

Я не любила мужчин, которых невозможно быстро разложить.

Они всегда либо ломали мои выводы, либо слишком рано начинали занимать лишнее пространство в голове.

Северский, кажется, собирался сделать и то и другое.

С утра я сидела в кабинете с чашкой кофе, открытым ноутбуком и собственными заметками после вчерашнего вечера. Обычно уже к следующему дню я знала об объекте главное: где он слаб, в чем врет, где захочет казаться сильнее, чем есть, где ему важнее понравиться, чем выиграть. С Даниилом на странице стояли не выводы. Вопросы.

Слишком много вопросов.

Почему он так быстро понял, кто меня прислал?

Почему не стал выбивать меня из равновесия примитивным мужским давлением, если видел, что я пришла именно за этим анализом?

Почему не защищал образ, а наоборот, сам вел меня туда, где мне становилось сложнее дышать?

И главное — где именно была первая трещина, которую я не успела заметить, потому что уже увлеклась самим фактом его сопротивления?

Я перечитала свои записи еще раз.

Опасен не потому, что врет лучше других.

А потому, что рядом с ним хочется, чтобы он соврал именно тебе.

Отличная формулировка. Очень профессионально. Особенно если забыть, что такие выводы обычно означают: я уже слишком близко подошла к черте, за которой аналитик становится женщиной.

Телефон завибрировал.

Марк.

Я закрыла ноутбук и ответила сразу.

— Да.

— В одиннадцать будешь у меня.

— Приказ или приглашение?

— Раздражайся в другом месте. У нас продолжение.

— Что именно?

— Северский согласился на вторую встречу.

Я замолчала.

На секунду.

Только на одну.

Но Марк всегда был достаточно внимателен к чужим паузам, чтобы почувствовать вкус даже такой маленькой заминки.

— Что, Ева? Уже интересно?

— Уже подозрительно.

— Еще лучше.

— Формат?

— Переговоры. Полуофициально. Он заходит на территорию, где уже сложнее играть в клубного хищника. Ты будешь рядом как мой внешний аналитик.

— Он знает, кто я.

— Прекрасно. Тогда можно не тратить время на маскарад.

Я медленно провела пальцем по краю чашки.

— И ты не видишь в этом проблемы?

— Проблема была бы, если бы он не заинтересовался. А так мы хотя бы знаем, что ты для него уже не просто красивая мебель на фоне моего стола.

— Меня бесит, когда ты говоришь так, будто расставляешь фигуры.

— А ты и есть фигура, Ева. Очень дорогая и очень полезная.

— Ошибка, Марк. Я полезна ровно до тех пор, пока сама считаю, что играю в свою игру. На том конце стало тихо.

Потом он усмехнулся.

— Вот за это ты мне и нужна. Приезжай.

Он отключился первым.

Конечно.

Я еще несколько секунд смотрела на телефон, чувствуя, как внутри поднимается раздражение. Не только на него. На себя тоже. Потому что вместо нормальной профессиональной сосредоточенности во мне уже жила другая реакция — та, что появляется, когда тебе не терпится снова увидеть опасного мужчину, которого нельзя быстро разобрать по слоям.

Ненавижу.

К одиннадцати я была в офисе Марка.

Его переговорная, в отличие от клубного полумрака, была предельно честной в своей дорогой жесткости: стекло, металл, графитовые панели, длинный стол, вода без этикетки, идеально выстроенная температура воздуха и такой вид на город, будто сделки здесь совершаются не между людьми, а над ними. Я стояла у окна, когда вошел Марк.

— На тебе снова лицо женщины, которая хочет кого-то расчленить, — заметил он.

— Я отдыхаю только в выходные.

— Сегодня у тебя будет возможность сделать это без ножа.

Он положил на стол тонкую папку.

— Что еще?

— Северский изменил тему встречи.

Я повернулась.

— В каком смысле?

— Вместо общего разговора о сделке хочет обсуждать только один актив. Старый реабилитационный объект в области.

У меня внутри сразу щелкнуло.

— Почему именно его?

— Вот это ты мне и скажешь.

Я открыла папку. Несколько страниц, карта, выдержки по собственности, замороженная программа, спорный подрядчик, два старых судебных иска. Формально — скучный актив. По ощущению — слишком удобное место, чтобы его вытаскивали на первый план просто так.

— Он сознательно уводит нас на конкретный участок, — сказала я.

— Зачем?

— Пока не знаю. Но не ради сделки.

Марк оперся о край стола.

— Значит, дави на него.

Я подняла глаза.

— Это не кухонный спор. Мужчины вроде него не давятся лобовой атакой.

— Тогда чем?

— Точностью.

Уголок его губ дрогнул.

— Ты уже звучишь так, будто он тебе интересен.

— Он мне интересен как профессиональная угроза.

— Конечно.

Ненавижу, когда люди произносят «конечно» именно таким тоном. Будто заранее уже увидели в тебе женщину раньше, чем ты сама признала, что она проснулась.

Встреча была назначена на час дня.

Я стояла у стены рядом с экраном, когда двери открылись и Северский вошел. На этот раз без клуба, без полумрака, без продуманной небрежности. Темный костюм, белая рубашка, идеально спокойное лицо человека, который зашел не на чужую территорию, а в пространство, которое временно разрешил другим считать своим.

С ним были двое. Один знакомый мне по вчерашнему вечеру мужчина из финансового блока. Второй — новый, сухой, с жесткой посадкой головы и взглядом человека, который никогда не говорит без необходимости.

Северский посмотрел на меня сразу.

Не удивился.

Разумеется.

— Ева, — сказал он.

Не спросил. Опять.

— Даниил.

— Приятно, что сегодня мы обошлись без записок.

Марк бросил на нас быстрый взгляд.

Я не улыбнулась.

— Это потому, что сегодня вы пришли с документами.

— А вы надеялись, что без них мне будет сложнее?

— Я надеялась, что в живом разговоре люди чаще ошибаются.

На его губах мелькнула почти улыбка.

— Тогда вы, должно быть, очень разочарованы большинством мужчин.

— Не большинством. Только теми, кто слишком старается быть идеальными.

Он сел напротив Марка. Я осталась стоять еще секунду, потом заняла место сбоку, как и было задумано. На этот раз никто не делал вид, что я декорация. Это уже было лучше.

Разговор начался без разогрева. Северский положил на стол свои материалы, коротко обозначил интерес к объекту в области и так же коротко объяснил, почему считает его недооцененным активом. Голос у него был спокойный, низкий, почти ленивый, но в нем уже не было клубной игры. Здесь он говорил как человек, который привык собирать не внимание, а решения.

Я слушала и смотрела.

На пальцы. На шею. На ритм дыхания. На редкие паузы. На то, как он распределяет взгляд между Марком, документами и мной.

И постепенно понимала ужасную вещь.

Он почти не врет в словах.

Он врет структурой.

Не отдельными фразами. Не тем, что говорит. Тем, как расставляет акценты. Какие вещи делает главными. Какие уводит в фон. Куда именно подводит собеседника, пока тот уверен, что контролирует разговор.

Северский не просто отвечает.

Он строит реальность в реальном времени.

Господи.

Вот почему вчера у меня и не было обычного материала. Я искала ложь в отдельных репликах, а надо было смотреть шире — на то, какую картину он заставляет принимать как данность.

— Вас что-то смущает? — спросил он вдруг.

Я подняла глаза.

Марк тоже повернулся ко мне.

Прекрасно.

Теперь либо точный ход, либо провал.

— Да, — сказала я.

— Что именно?

— Вы слишком быстро хотите сдвинуть разговор с юридических рисков на стратегические преимущества.

В комнате стало тише.

Северский откинулся на спинку кресла.

— И это плохо?

— Это расчетливо.

— В бизнесе это считается комплиментом.

— А в переговорах — признаком того, что человек хочет, чтобы на одном участке дороги собеседник перестал смотреть под ноги.

На этот раз я попала.

Не сильно. Но достаточно.

Потому что его большой палец едва заметно провел по краю ручки. Одно короткое движение. Почти ничто. Но после вчерашнего вечера я уже знала: у него таких лишних движений почти не бывает.

— И где, по-вашему, мы должны смотреть под ноги? — спросил он.

— В истории собственности.

— Она чистая.

— Слишком.

— Это уже звучит как предвзятость.

— Нет. Как профессиональная интуиция.

Он смотрел прямо на меня. Дольше, чем нужно для обычной деловой реплики.

— Опасная вещь.

— Не для меня.

— Все так думают до первого провала.

Марк вмешался:

— Ева, конкретнее.

Я не отрывала глаз от Северского.

— Конкретнее? Хорошо. Господин Северский не пытается нас убедить, что объект хороший. Он пытается заставить нас поверить, что это единственный разумный ход при текущем рынке. А это уже не продажа актива. Это подмена горизонта.

Тишина.

Даже Марк на секунду замолчал.

И именно в эту секунду я увидела в глазах Северского то, что искала.

Не злость.

Удовольствие.

Чистое, темное удовольствие от того, что его наконец-то не слушают поверхностно.

Вот черт.

Это было слишком опасно.

— Ева, — произнес он тихо, — вы меня сейчас обвиняете в манипуляции или хвалите?

— Это зависит от того, насколько вам важно, чтобы вас поняли правильно.

— А если мне важнее, чтобы вы поняли меня глубже?

Удар.

Не по сделке.

По мне.

И он сделал это прямо при Марке, при своих людях, не меняя интонации ни на градус. Как будто под столом вдруг провел лезвием по внутренней стороне запястья, а все остальные даже не заметили.

— Тогда вам стоило выбрать не переговорную, — ответила я.

На этот раз женщина бы, наверное, улыбнулась. Но мужчиной, которого нельзя прочесть, он оказался и в этом. Никакой улыбки. Только короткий, слишком внимательный взгляд.

Марк снова вмешался, возвращая разговор в деловое русло. Разговор пошел дальше по цифрам, активам, структуре владения. Но я уже знала главное: сегодня первый раунд не про объект. И даже не про Марка.

Это Северский проверял, как глубоко я вижу.

А я проверяла, где именно он даст трещину, если не в теле, то хотя бы в конструкции.

Ближе к концу встречи он встал первым. Его люди уже собирали бумаги. Марк тоже поднялся, и мужчины перешли к привычному послевкусию деловой вежливости, где каждая фраза по смыслу означает: война продолжается, просто сегодня мы еще улыбаемся.

Я тоже встала.

Северский подошел ко мне сам.

Не слишком близко. Но ближе, чем требовал этикет.

— Сегодня лучше, — сказал он тихо.

— Что именно?

— Вы наконец начали смотреть туда, где стоит.

— А вы наконец перестали изображать, что вам скучно.

— Я этого не изображал.

— Изображали контроль.

— Это не одно и то же.

— Для мужчины вроде вас — почти всегда одно.

Он наклонил голову. Совсем чуть-чуть.

— И какой же я мужчина, Ева?

Вот этого я и ждала.

Не вопроса. Формулировки.

Слишком персонально. Слишком рано. Слишком в лоб для человека, который, по идее, должен был продолжать игру через логику.

Значит, и ему уже стало интересно сильнее, чем нужно.

— Тот, который привык создавать реальность, а не входить в чужую, — ответила я.

— А вы?

— А я не люблю, когда кто-то пытается сделать из меня часть конструкции.

— Даже если вам в ней понравится?

Сволоочь.

Я медленно надела пальто.

— Особенно тогда.

Он открыл передо мной дверь переговорной. Жест вежливый, почти старомодный. Но в его исполнении даже обычная дверь ощущалась как часть дуэли.

— До следующего раунда, Ева.

— Вы слишком уверены, что он будет.

— Нет. Я просто уже решил, что хочу его.

После таких фраз женщине полагается либо вспыхнуть, либо сделать вид, что она слишком умна для этого. Я не сделала ни того ни другого.

Просто посмотрела на него еще раз.

Внимательно.

И впервые за два дня поняла одну вещь.

Я не могу его прочесть не потому, что он пуст.

Наоборот.

Потому что он слишком сознательно выбирает, что именно о себе показать.

А значит, дело уже не в том, чтобы заметить ложь.

Дело в том, чтобы понять, зачем он именно мне показывает правду по кускам.

Когда за Северским закрылась дверь, Марк подошел ко мне почти сразу.

— Ну?

— Ну.

— Ты издеваешься?

— Немного.

— Ева.

Я взяла стакан воды и сделала глоток, только чтобы дать себе секунду не думать о том, как ровно Северский произнес мое имя в последней фразе.

— Он не покупает объект, — сказала я.

— А что делает?

— Тестирует нас.

— Меня?

— Нет. Меня.

Марк нахмурился.

— С чего ты решила?

— Потому что половина встречи была выстроена так, чтобы посмотреть, где именно я его увижу. Актив — только повод.

— И что ты увидела?

Я поставила стакан на стол.

— Что он не боится быть понятым. Он боится только быть прочитанным слишком быстро.

— Это как?

— Это значит, что он сам управляет скоростью откровенности.

Марк помолчал.

— И это хорошо или плохо?

Я посмотрела в закрытую дверь переговорной.

— Это очень плохо для человека моей профессии.

— Почему?

На этот раз я ответила честно.

— Потому что я уже слишком вовлечена, чтобы не хотеть разгадать его до конца.

Марк усмехнулся.

— Осторожнее, Ева.

— С чем именно?

— С мужчинами, которых нельзя прочесть. Обычно они заканчиваются не ответами.

Я взяла папку Северского со стола, прижала к себе и только потом медленно сказала:

— Я уже поняла.

Когда вечером я вернулась домой, то первым делом сняла обувь, распустила волосы и села на пол у дивана, разложив перед собой документы.

Я не включала музыку. Не наливала вина. Не открывала телефон.
Просто сидела в тишине и смотрела на его фотографию.
Потом взяла ручку и написала на новой странице:
Даниил Северский не просто обманывает.
Он создает реальность, в которую заставляет верить остальных.
И я — единственная, кто знает правила его игры.
Я поставила точку.
Посмотрела на фразу.
И медленно дописала еще одну строчку.
Проблема в том, что я уже не уверена, хочу ли в этой игре победить.

Глава 4. Опасное задание

Утро после второй встречи с Северским началось не с кофе и даже не с привычного внутреннего анализа. Оно началось с раздражения.

Глухого, взрослого, очень неприятного раздражения на саму себя.

Потому что, проснувшись, я первым делом подумала не о слабых местах актива, не о том, как именно Северский перестроил переговоры под проверку меня, и даже не о том, где в его структуре может быть спрятан настоящий интерес.

Нет.

Я подумала о его голосе.

О том, как ровно он произнес: «Я уже решил, что хочу его».

И только потом — что речь вообще-то шла о следующем раунде.

Ненавижу мужчин, которые умеют вшивать двойное дно в обычную фразу так, что ты сама потом решаешь, что именно там услышала.

Еще сильнее я ненавижу себя, когда позволяю этим фразам задерживаться внутри дольше, чем заслуживают.

Я стояла на кухне босиком, в тонкой футболке и шелковых брюках, пока кофемашина шипела, как злая кошка. За окном был серый московский март, мокрый, бесцветный, с тем небом, под которым особенно хорошо принимаются плохие решения. На столе лежала его папка. Я не убирала ее в шкаф. И это уже было симптомом.

Потому что обычно рабочие материалы живут в папках, коробках, закрытых ящиках и в моей голове. Не на виду. Не как предмет, к которому рука тянется не только по делу.

Телефон завибрировал в тот момент, когда я поднесла чашку к губам.

Марк.

Я почти улыбнулась. Зло.

Очень вовремя. Потому что если я сама еще пять минут посижу в тишине с мыслями о Северском, начну придумывать ему глубину раньше, чем получу достаточно фактов.

— Да.

— В офис. Через сорок минут.

— С каких пор ты перешел на армейские команды?

— С тех пор, как ты начала отвечать мне тоном женщины, которой слишком интересно не то, что надо.

Я замолчала.

Только на долю секунды.

Этого ему хватило.

— Вот именно, — мягко сказал Марк. — Жду.

Он отключился первым.

Сволочь.

И ведь специально. Не потому что действительно ревнует меня к объекту. Не потому что считает, будто я сейчас брошусь Северскому на шею. Марк слишком давно работает с людьми, чтобы так упрощать. Нет. Он просто вовремя почувствовал, что мой фокус начинает смещаться с задачи на мужчину. А это означает, что теперь он будет подбрасывать мне не только факты, но и нужные эмоции.

Пришлось одеваться быстрее обычного. Темно-синий костюм, белая рубашка, волосы в низкий хвост, минимум косметики и ровно то лицо, с которым я хожу на встречи, где собираюсь не нравиться, а считывать.

По дороге в офис я сознательно не открывала папку Северского.

Бесполезно.

Она и так уже была у меня в голове.

Марк ждал в кабинете. Не в переговорной, не за общим столом, а именно в кабинете — значит, разговор будет не формальный. Личный. Не обязательно по чувствам. Но по линии доверия и манипуляции точно.

Он стоял у окна, спиной ко мне, и крутил в пальцах стакан с водой. На нем был темный костюм, идеально сидящий, как всегда, и лицо человека, который заранее знает, где будет нажимать.

— Прекрасно выглядишь, — сказал он, не оборачиваясь.

— Это потому что я еще не начала говорить.

Он усмехнулся и наконец повернулся.

— Садись.

Я не села сразу.

— Ты хотел срочность. Удиви.

Марк подошел к столу, взял тонкую флешку и положил передо мной.

— Что это?

— Часть правды.

— Ненавижу, когда мужчины в делах говорят как мужчины в постели.

— А я ненавижу, когда женщины с твоим лицом делают вид, что не понимают, насколько это похоже.

— Не уводи.

Он кивнул.

— Хорошо. Это закрытая переписка по Северскому.

Я наконец села.

— Откуда?

— Не спрашивай то, на что я все равно не отвечу.

— Уже бесишь.

— Знаю. Посмотри.

Я вставила флешку в ноутбук и открыла папку. Несколько писем, пересланные внутренние заметки, куски переписки между людьми из юридического блока Северского и каким-то подрядчиком, фамилии, даты, суммы. На первый взгляд — обычная корпоративная грязь. Не красивая, не шокирующая. Просто материал, из которого потом рождаются нужные рычаги.

Но чем дольше я читала, тем сильнее чувствовала — Марк смотрит не на экран, а на меня.

Ждет не вывода. Реакции.

Я закрыла файл.

— Это не компромат.

— Пока нет.

— Тогда что именно я должна здесь увидеть?

Он сел напротив.

— Что Северский готовит большой удар. Через три недели. На рынке медоборудования и поставок по нескольким государственным линиям.

— Ты думаешь, он хочет вытеснить тебя?

— Я думаю, он хочет не просто вытеснить. Он хочет раздавить.

Я скрестила руки на груди.

— И почему тебя это так задевает? Миллиардерам вообще-то свойственно периодически пытаться убить друг друга красиво.

— Потому что это не только рынок.

Тишина.

Вот теперь стало интересно.

Не потому что я люблю чужие драмы. А потому что именно в таких паузах деловые войны обычно перестают быть только деловыми.

— Продолжай, — сказала я.

Марк какое-то время молчал. Потом выдохнул и откинулся в кресле.

— Когда-то мы с Северским были не конкурентами.

— Партнерами?

— Почти.

— Это плохо звучит.

— Потому что это и было плохо.

Я смотрела на него молча. И впервые за долгое время увидела в его лице не привычную дорогую самоуверенность, а что-то другое. Раздражение, застарелое, почти личное. Значит, да. Дело не только в деньгах.

— Сколько в этом бизнеса и сколько мужской обиды? — спросила я.

Уголок его рта дернулся.

— Ты жестока.

— Я точна.

— Половина на половину.

— Уже лучше. И что между вами было?

— Мы начинали в одном круге. Пересекались через общих людей, сделки, связи. Он всегда лез быстрее, чем остальные успевали понять, где именно он уже выиграл. А потом...

— А потом?

— Потом он забрал то, что считал нужным.

Господи.

Вот так мужчины и рассказывают о самом важном — как о собственности, которую унес другой мужчина.

— Компанию? Контракт? Человека?

Он посмотрел прямо на меня.

— Все сразу.

Я чуть прищурилась.

— Начни с того, что для меня полезнее.

— Для тебя полезнее понять одно: Северский почти никогда не идет напролом, если дело для него не лично.

— А сейчас лично?

— Да.

— Почему?

На этот раз Марк выдержал паузу слишком долго. Я уже приготовилась к привычному уходу в полуправду, но он все-таки сказал:

— Потому что его интересует не только сделка.

— А что?

— То, как далеко можно сдвинуть меня, когда я уже не уверен в своем контроле.

— Звучит так, будто вы оба измеряете влияние не цифрами, а чужими реакциями.

— Так и есть.

— И ты хочешь использовать меня как одну из них.

Он не стал спорить.

Вот это и было хуже всего.

— Да.

Я медленно кивнула.

— Наконец-то честно.

— Не делай вид, что ты не понимала этого с первого дня.

— Понимала. Но предпочитаю, когда мне говорят вслух, а не считают, что я сама красивая догадливая девочка.

— Хорошо. Говорю вслух. Ты нужна мне не только как специалист, который увидит его ложь. Ты нужна мне как фактор, который может сбить его ритм.

— Почему ты решил, что я уже его сбиваю?

Марк усмехнулся.

— Потому что он согласился на вторую встречу слишком быстро.

— Это еще ничего не значит.

— Для других — нет. Для Северского — значит.

Я отвела взгляд в окно.

Серое небо. Башни. Мокрые крыши. Машины. Обычный вид, на фоне которого обычно проще принимать грязные решения, потому что город кажется огромным и обезличенным.

— Ты мне сейчас даешь опасное задание, — сказала я тихо.

— Знаю.

— Не в смысле работы. В смысле границы.

— Еще лучше.

Я резко посмотрела на него.

— Не говори так, будто тебя радует, что я могу залезть слишком глубоко.

— А тебя это пугает?

— Меня пугает только один тип мужчин.

— Какой?

Я взяла со стола флешку и убрала в карман пиджака.

— Те, рядом с которыми женщина теряет не только голову, но и профессиональную дистанцию.

— И ты думаешь, Северский именно такой?

Я не ответила.

Потому что пока не знала. Но уже слишком остро чувствовала: да, риск именно в этом.

Марк встал, обошел стол и остановился рядом. Не касаясь. Но так близко, как мужчины любят делать, когда хотят напомнить, что могут занять личное пространство без прямого нарушения.

— Посмотри на меня, Ева.

Я подняла глаза.

— Что?

— Не влюбляйся в него.

Вот теперь я действительно рассмеялась. Коротко. Почти беззвучно.

— Прости?

— Ты меня слышала.

— Господи, Марк. Если бы я влюблялась в каждого опасного мужчину с дорогими часами и красивой челюстью, у меня бы давно не осталось профессии.

— Я серьезно.

— И я.

Он смотрел слишком внимательно.

— Он не из тех, с кем можно играть в привычные тебе интеллектуальные кошки-мышки. Если зайдешь слишком далеко, он не просто это увидит. Он заставит тебя самой захотеть остаться внутри его игры.

Меня будто холодом полоснуло по спине.

Не потому что Марк гений психологической точности. А потому что он случайно попал слишком близко.

— Спасибо за драматизацию, — ответила я холодно. — Очень помогает собраться.

— Я не драматизирую. Я предупреждаю.

— Нет. Ты метишь территорию. Не путай.

На секунду в его лице мелькнуло что-то неприятное. Почти раздраженное уважение.

— Вот за это тебя и опасно использовать, — сказал он.

— Не используй.

— Уже поздно.

Я поднялась.

Потому что еще немного — и этот разговор скатится туда, где мне придется либо резко ставить его на место, либо делать вид, что не заметила, как он уже пытается включить в задание ревность и собственнический тон.

— Что дальше? — спросила я.

Марк вернулся за стол.

— Завтра закрытый ужин. Северский будет. Ты тоже.

— Повод?

— Медицинский консорциум. Несколько лиц, которые интересуют и меня, и его.

— Значит, он сам туда придет.

— Да.

— И что именно я должна сделать?

Марк посмотрел на меня так, будто сейчас выкладывает на стол действительно важную карту.

— Заставить его захотеть сказать тебе лишнее.

Я усмехнулась.

— Это не инструкция. Это мужская фантазия о том, как устроены женщины и власть.

— Нет. Это понимание, как устроен Северский.

— А если ты ошибаешься?

— Тогда ты просто вернешься домой и скажешь, что он камень.

Я взяла сумку.

— Он не камень.

Марк поднял брови.

— Вот как?

Черт.

Сказала.

Слишком быстро.

Я застегнула сумку чуть резче, чем собиралась.

— Он слишком живой для этого. Просто хорошо прячет, где именно у него нерв.

На секунду Марк даже не стал скрывать удовольствия.

— Вот поэтому я и не ошибся, когда выбрал тебя.

Ненавижу, когда мужчины радуются не тому, что ты умна, а тому, как глубоко ты уже вошла в их чужую войну.

Я ничего не ответила. Просто вышла.

В коридоре на секунду остановилась у зеркала. Темный костюм. Спокойное лицо. Собранный взгляд. Ни одна посторонняя женщина не увидела бы ничего тревожного. Но я знала себя слишком хорошо.

Во мне уже была трещина.

Не в самоконтроле.

В интересе.

А интерес к мужчине вроде Северского — это и есть самое опасное задание из возможных.

Вечером дома я снова разложила папки на столе. Не его досье. Материалы по объекту, письма, финансовые цепочки, имя подрядчика, странные сдвиги по срокам, связь с людьми из старого медицинского блока. Я заставляла себя работать фактами, потому что факты никогда не подводят так красиво, как мужчины.

На третьем часу анализа я наконец увидела одну вещь.

Северский не просто выводил разговор на конкретный объект. Он проверял, знаю ли я, кто стоит за боковой схемой старых поставок. А значит, либо считал меня глубже вовлеченной в игру Марка, чем я есть, либо сознательно подбрасывал мне нить.

Зачем?

Чтобы я пришла к нему сама?

Чтобы увести меня от Марка?

Чтобы проверить, кому именно я потом передам вывод?

Я откинулась на спинку стула и закрыла глаза.

Опасное задание.

Да.

Потому что в какой-то момент ты перестаешь понимать, кого именно читаешь — мужчину напротив или саму себя рядом с ним.

Я взяла телефон и открыла заметки.

Написала одну фразу.

Даниил Северский не просто проверяет, что я вижу.

Он уже проверяет, на чьей я стороне, если однажды ложь окажется не главным вопросом.

Я смотрела на экран несколько секунд.

Потом медленно дописала:

И, кажется, самое опасное не в том, что он может меня обмануть.

А в том, что я уже хочу узнать его правду раньше, чем получу за это деньги.

Глава 5. Лжец, который улыбается глазами

На следующий день я проснулась с ощущением, будто всю ночь кто-то медленно натягивал внутри меня тонкую проволоку. Не до боли. До звона. Так бывает, когда ты слишком долго живешь в режиме точности и вдруг сталкиваешься с человеком, который не просто не вписывается в твои схемы, а заставляет перепроверять сами принципы, на которых эти схемы держатся.

Я не любила такие состояния.

Они мешают работе.

А работа — это единственное, что в моем мире должно оставаться предсказуемым.

На столе с вечера лежали папки по объекту, заметки по встречам и список фамилий, которые теперь крутились вокруг Северского слишком часто, чтобы считать это случайностью. Я приняла душ, собрала волосы, надела темно-зеленое платье с длинными рукавами и тонкий пояс — достаточно женственно для закрытого ужина, но без намека на готовность быть чьим-то украшением. Серьги выбрала маленькие. Туфли — неудобные, но идеальные. Иногда женщине нужна не только броня, но и правильный каблук, чтобы напоминать себе: в любой комнате ты сначалаходишь как фигура, а потом уже как содержание.

К шести вечера за мной прислали машину.

Марк не поехал со мной — сразу. Это тоже было частью игры. На закрытых вечерах такие люди любят появляться чуть позже, чтобы иметь возможность войти в уже сложившееся поле. Оставить женщину на пять-десять минут одной — хороший способ проверить, насколько уверенно она держится без прямой опоры. Я, конечно, держалась. Но все равно мысленно отметила: сволочь.

Ужин проходил в особняке в центре — один из тех старых московских домов, где золотые бра, тяжелые лестницы и зеркала в пол еще пытаются делать вид, что здесь по-прежнему главное искусство, а не деньги и скрытые договоренности за каждым бокалом вина. Гостей было немного. Человек тридцать, не больше. Политически нейтральные врачи, инвесторы, владельцы сетей клиник, представители фармы, пара женщин, которые выглядели как жены, но говорили как акулы.

Я вошла в зал и сразу почувствовала на себе несколько взглядов. Спокойно. Ожидаемо. Новая женщина в таком пространстве всегда сначала объект оценки, а потом уже собеседник.

Северского я увидела не сразу.

И, наверное, это было даже хуже.

Потому что успела за эти несколько секунд почувствовать его присутствие раньше, чем взглядом нашла фигуру. Ненавижу, когда срабатывает не логика, а кожа.

Он стоял у дальней колонны с бокалом в руке и разговаривал с пожилым мужчиной в очках. Темный костюм, открытый ворот рубашки, идеальная осанка человека, которому не нужно специально демонстрировать власть — она и так уже в его походке. Но сегодня было не это главным.

Сегодня он улыбался.

Почти незаметно. Не ртом даже. Глазами.

И вот тогда я впервые по-настоящему поняла, почему о нем столько говорят люди, которые вроде бы не должны быть впечатлительными. Потому что Даниил Северский был из тех мужчин, рядом с которыми тебе кажется: он сейчас смотрит только на тебя. Даже если в комнате еще двадцать человек. Даже если он вообще пока не повернул голову в твою сторону.

Это не флирт.

Это куда опаснее.

Это форма влияния.

Лжец, который улыбается глазами, всегда страшнее лжеца, который делает это губами. Губы можно контролировать. Глаза выдают либо искренность, либо уровень мастерства, на котором искренность уже встроена в самую ложь.

Я подошла к столику с шампанским, взяла воду и сделала вид, что занята телефоном. На самом деле наблюдала за ним в отражении зеркала.

Он слушал собеседника внимательно. Не перебивал. Не размахивал руками. Не пытался переиграть голосом. И все же пространство уже принадлежало ему. Мужчина в очках говорил чуть быстрее, чем хотел бы. Еще один рядом подался вперед сильнее нормы. Женщина лет сорока, проходя мимо, задержала взгляд на Северском дольше приличного и тут же отвела. Классический эффект центра притяжения.

Северский умел делать так, что люди сами стремились понравиться ему больше, чем планировали.

Это плохо.

Очень.

Потому что рядом с таким человеком даже умные начинают врать не ему, а себе.

— Ты его уже гипнотизируешь или пока только изучаешь? — раздался рядом знакомый голос.

Я не вздрогнула. Конечно, Марк.

— Ты опоздал.

— Специально.

— Знаю.

Он встал рядом, проследил мой взгляд и усмехнулся.

— Ну? Что скажешь?

— Что ты недооценивал проблему.

— В смысле?

— Он влияет не переговорами. Он влияет присутствием.

Марк посмотрел внимательнее.

— И что в этом нового?

— Новое в том, что он делает это почти без усилия. Люди вокруг него сами подстраивают ритм. Это не обычный альфа-самец с дорогим костюмом. Это мужчина, который давно научился управлять чужими реакциями, даже когда просто молчит.

— А ты?

Я медленно повернула голову.

— Что я?

— Ты тоже подстраиваешься?

— Не льсти себе. Я работаю.

Он усмехнулся.

— Конечно.

Ненавижу это “конечно”. Особенно от мужчин, которые думают, что уже увидели в тебе женщину, когда ты еще только сама пытаешься не признать этого.

Северский заметил нас через минуту.

Нет, не так.

Он заметил меня сразу, просто выбрал именно этот момент, чтобы дать понять: да, теперь можно.

Попрощался с собеседником, поставил бокал на поднос и направился к нам.

Слишком спокойно.

Слишком в лоб.

И от этой прямой траектории у меня почему-то сбился ритм дыхания.

Плохой знак.

Очень плохой.

— Марк, — сказал он, останавливаясь рядом. — Рад видеть.

— Взаимно.

Ложь с обеих сторон.

Но интересовало меня не это. Я смотрела на Северского.

На его пальцы. На шею. На плечи. На глаза.

И впервые заметила странную деталь.

Он действительно улыбался ими.

Не в момент, когда говорил Марку. Не когда переводил взгляд на меня. А чуть раньше, еще на подходе. Как будто уже знал, чем закончится этот обмен репликами, и ему заранее было любопытно наблюдать, как именно каждый из нас сыграет свою роль.

— Ева, — произнес он.

Без вопроса.

Опять.

— Даниил.

— Сегодня вы смотрите на меня осторожнее.

Я чуть приподняла бровь.

— А вы, значит, уже считаете это прогрессом?

— Я считаю это любопытным.

Марк вмешался слишком быстро. Тоже заметил ток.

— Не думал, что вас обоих так увлечет обычный деловой ужин.

— Это не обычный ужин, — сказала я, не отрывая взгляда от Северского.

— Правда? — спросил он.

— Здесь слишком много людей, которые улыбаются ртом и слишком мало тех, кто делает это глазами.

На секунду повисла пауза.

Марк нахмурился. Он не понял, к чему я веду.

А вот Северский понял.

Конечно.

И в его глазах мелькнуло что-то, от чего у меня под кожей сразу стало теплее. Не похоть.

Признание точности.

— И что же это, по-вашему, значит? — спросил он.

— Что самые опасные лжецы не прячут симпатию. Они вплетают ее в оружие.

Уголок его губ дрогнул.

— Вы сейчас анализируете меня или флиртуете?

— С вами это, кажется, уже почти одно и то же.

Марк негромко рассмеялся.

Северский — нет.

Он смотрел только на меня.

И я слишком ясно почувствовала: мы уже говорим не для Марка. И не для комнаты. Только друг с другом. Даже здесь.

— Тогда скажите честно, — произнес он низко. — Что именно вы увидели?

Ненавижу, когда мужчина просит честности таким голосом. Потому что у женщины сразу появляется слишком много неправильных вариантов ответа.

— Пока только то, что вы умеете делать людей рядом мягче, чем они сами планировали, — сказала я.

— Всех?

— Почти.

— А вас?

Вот здесь я и поняла, что Северский опаснее не потому, что давит.
Потому что не торопится.

Любой другой мужчина на его месте уже проверял бы меня открытым интересом, прикосновением, примитивной провокацией. А этот все еще вел разговор так, будто у нас интеллектуальная игра. И именно поэтому уже поднимался куда глубже.

— Меня сложнее, — ответила я.

Он наклонил голову.

— Вы уверены?

— Да.

— Тогда, может быть, вы просто еще не дали себе времени заметить разницу.

Сволочь.

Марк снова вмешался, уводя разговор к медицине, консорциуму и будущим тендерам. Северский включился мгновенно, как будто секунду назад не вел со мной разговор на уровне, который вообще-то не должен был возникнуть на первой светской встрече. И вот в этом была еще одна его опасность — абсолютная переключаемость. Он мог в одну секунду быть мужчиной, от чьего взгляда у тебя нагревается кожа, а в следующую — безупречно деловым партнером, не теряющим ни одной детали.

Я слушала их разговор и почти не слышала слов.

Смотрела на Северского.

На то, как он держит бокал за ножку, а не за чашу.

На то, как на словах “социальная ответственность” его большой палец едва заметно смещается вверх.

На то, как он чуть медленнее вдыхает, когда Марк упоминает региональные программы.

И постепенно начинала видеть рисунок.

Северский не просто играет уверенного хищника.

Он сознательно дает людям тот образ, на который они быстрее всего клюнут. Марку — опасного конкурента. Публике — холодного визионера. Женщинам — мужчину, у которого все под контролем, включая желание. И где-то внутри этой матрешки, похоже, действительно есть настоящий он. Только добраться туда будет сложнее, чем я думала.

К середине вечера я уже точно знала одно: сегодняшний ужин — не про бизнес. Это аудитория. Сцена. И Северский в ней не главный спикер. Он режиссер.

Он сам выбирал, с кем заговорить. Кому улыбнуться чуть дольше. Кого проигнорировать. Кому дать иллюзию близости. И каждый человек после короткого контакта с ним уходил с ощущением, будто только что получил что-то важное лично.

Гениально.

Грязно.

Почти красиво.

Я стояла у колонны с бокалом воды, когда он подошел ко мне уже в третий раз за вечер.

— Вы не пьете, — сказал он.

— А вы наблюдательнее, чем хотите казаться.

— Я не хочу казаться ненаблюдательным.

— Тогда зачем все эти полутона?

— Чтобы люди дорисовывали меня сами.

Вот это уже было слишком.

Слишком честно. Слишком рано. Слишком в точку.

— Вы сейчас признались в манипуляции? — спросила я.

— Нет. В понимании устройства мира.

— Удобная формулировка.

— А у вас есть лучше?

Я чуть наклонилась к нему ближе. Не из кокетства. Из точности.

— Есть. Вы управляете чужим восприятием так, чтобы вас потом защищали даже те, кого вы не просили.

На этот раз он действительно замер.

Совсем немного.

Не тело. Глаза.

И вот это была первая настоящая трещина за весь вечер.

Потому что там, на долю секунды, мелькнуло не удовольствие. Не игра.

Усталость.

Я увидела ее так ясно, что внутри у меня что-то сбилось.

Северский тут же вернул лицо на место.

Слишком быстро для обычного человека.

Но я уже увидела.

— Интересно, — произнес он наконец.

— Что именно?

— Что вы решили копать не туда, где я вас подталкиваю, а туда, где мне самому не очень нравится смотреть.

У меня по спине прошел холодок.

Потому что вот оно. Первый реальный ответ. Не по сделке. По нему.

— И что же вам там не нравится? — спросила я тихо.

Он посмотрел на меня сверху вниз. Спокойно. Слишком спокойно для мужчины, у которого я только что нащупала неприятное.

— Что иногда люди верят мне не потому, что я им вру. А потому что я слишком хорошо знаю, что им нужно услышать.

Тишина.

— Это и есть самая опасная форма лжи, — сказала я.

— Тогда почему вы еще не ушли?

Господи.

С ним все время так. Каждая фраза будто делает шаг в сторону истины, а следующая тут же превращает ее в вопрос, адресованный лично мне.

— Потому что не люблю уходить в момент, когда человек только начал быть настоящим.

Он чуть опустил взгляд на мои губы.

Буквально на миг.

Но этого хватило, чтобы у меня под кожей разлилось слишком знакомое, слишком нежелательное тепло.

— Опасная привычка, Ева.

— У меня вообще набор не самых безопасных навыков.

— Я заметил.

Мы стояли слишком близко для невинного светского обмена репликами и слишком спокойно для банального флирта. Вокруг нас по-прежнему шли разговоры, звенели бокалы, кто-то смеялся, кто-то обменивался визитками. Но все это уже звучало как фон.

— Скажите честно, — спросил он. — Вы сегодня здесь ради Марка или ради меня?

Вот так.

Без переходов.

Без маскировки.

Прямой удар.

Я медленно поставила бокал на поднос официанта, проходившего мимо.

— А вы хотите услышать правду или ту версию, после которой вам будет удобнее спать?

— Правду.

— Не верю.

— Проверим.

Я смотрела ему прямо в глаза.

И впервые за вечер поняла: вот он, момент, где все зависит уже не от его умения управлять залом, а от того, сколько правды я готова выдать сама.

— Я здесь ради задачи, — сказала я. — Но вы уже сделали все, чтобы она перестала быть только задачей.

Уголок его губ дрогнул.

— Это почти комплимент.

— Нет. Это предупреждение.

— Для кого?

— Пока не решила.

Он рассмеялся.

Тихо.

И, Господи, как же неожиданно это его смягчило. Не сделало безопаснее. Наоборот. Просто на секунду я увидела мужчину, который умеет быть живым и не скрывает, что получил удовольствие от точного удара в ответ.

— Вот теперь, — сказал он, — мы действительно начали говорить.

Я уже собиралась ответить, когда рядом появился Марк.

Слишком вовремя.

Слишком внимательно.

Он положил ладонь мне на спину чуть выше талии. Не интимно. Но достаточно, чтобы обозначить владение там, где владеть мной он не имел никакого права.

Я замерла.

Северский тоже.

И в этот момент я увидела то, чего ждала весь вечер.

Не ревность.

Хуже.

Очень короткую, очень холодную вспышку в глазах мужчины, который не любит, когда чужие руки касаются того, что он уже мысленно вывел в свою зону внимания.

Вот она.

Вторая трещина.

Совсем маленькая.

Но живая.

Я медленно отступила от Марка на полшага, убирая его ладонь с маршрута собственного тела так, будто это было случайным движением.

Северский все понял.

Конечно.

И в его глазах снова мелькнула та самая тень улыбки — не губами, а взглядом.

Лжец, который улыбается глазами.

Теперь я знала о нем чуть больше.

Он не просто создает реальность для остальных.

Он терпеть не может, когда кто-то другой пытается сделать это рядом со мной.

А значит, дело уже давно не только в Марке.

Когда я вернулась домой, то не стала сразу открывать папку с бумагами. Села на пол у дивана, сбросила туфли и долго просто смотрела в темноту комнаты.

Потом взяла блокнот и написала:

Даниил Северский улыбается глазами тогда, когда все остальные еще думают, что он просто смотрит.

И это значит, что ложь у него начинается не в словах.

Она начинается в чувстве безопасности, которое ты испытываешь, пока сама не заметила, что уже стоишь слишком близко.

Я поставила точку.

Подумала несколько секунд.

И дописала еще одну строку.

Самое плохое — я уже хочу узнать, как он смотрит, когда перестает играть совсем.

Глава 6. Когда игра становится личной

После ужина я не спала почти до рассвета.

Не потому что волновалась из-за Марка. Не потому что меня тревожили бумаги, объект, медицинский консорциум или очередная грязная схема, в которую я вошла слишком глубоко. Хуже. Я снова и снова прокручивала в голове один и тот же момент: как Северский посмотрел на руку Марка у меня на спине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.